

УДК 930:94

**БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ЭЛИТАХ КРЫМСКОГО ХАНСТВА:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
(СЛУЧАЙ СУЛТАНА БАХТЫ-ГИРЕЯ)**

Сень Д. В.

*Институт истории и международных отношений Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: dsen1974@mail.ru*

Рассмотрены исторические источники о биографии и военно-политической деятельности выдающегося политического деятеля Крымского ханства первой трети XVIII в. – кубанского султана Бахты-Гирея. Проблематика статьи вписана в биографику династии Гиреев, в историю политической культуры Крымского ханства, а также в источниковедение его истории.

Ключевые слова: Крымское ханство, династия Гиреев, исторические источники, архивы, источниковедение истории Крымского ханства, Девлет-Гирей II, кубанский султан Бахты-Гирей.

Отмечая существенные достижения исторической науки в изучении военно-политической истории и культуры Крымского ханства, обратим внимание на следующее: до сих пор недостаточно исследован такой крупный вопрос, как история династии Гиреев, представляющий одну из ключевых научных проблем исторического прошлого этого государства. Среди составляющих обозначенного вопроса выделяются: хронология правлений крымских ханов; практики передачи престола в Крыму: традиции и новации; эволюция управленческой иерархии в Крымском ханстве; внутрисемейная (внутриродовая) генеалогия и «матримониальная политика» династии Гиреев, внутрисемейные отношения Гиреев как фактор внутренней и внешней политики Крымского ханства; женщины ханского дома Гиреев; персональные истории правящих и не правящих Гиреев: исторические портреты ханов и их родственников, жизнь крымских ханов в ссылке после отставки и пр.

Приведенный выше перечень исследовательских проблем нельзя назвать исчерпывающим. Однако даже он позволяет обозначить некоторые перспективные подходы к изучению политической культуры Крымского ханства, смены ханов на крымском престоле, механизмов принятия ханами управленческих решений, совершавшихся под влиянием самых различных факторов – не сводившихся только к влиянию османского двора или к «проискам» местной знати против конкретного хана. К сожалению, в ходе изучения таких сюжетов историки зачастую сталкиваются с существенными лакунами исторического знания, отчасти вызванными недостатком источников, отчасти – невниманием к исследовательским проблемам историко-биографического характера из истории Крымского ханства.

Вышесказанное имеет непосредственное отношение к изучению центральной проблемы в истории политической системы Крымского ханства – порядку наследования ханского престола [23, с.48]. Отношения между разными группами Гиреев не могли оставаться статичными на протяжении веков и даже десятилетий:

они активно развивались, характеризуя не только внутридинастийную борьбу Гиреев-родственников и их лавирование между местными крымскими элитами и Османами. Еще в большей степени история таких отношений отражает развитие государственной жизни Крымского ханства, которая не могла стоять на месте, динамично откликаясь на новые исторические условия и вызовы. Необходимо обратиться к мнению А. М. Некрасова (1999 г.) о том, что «...нужно прежде всего восстановить генеалогию Гиреев. Но доньше не существует даже полной родословной росписи ханского дома (из новейших работ см.: [17; 37]. – Д. С.). Разумеется, последовательность правления ханов давно известна, однако иначе обстоит дело с другими членами гирейской фамилии» [23, с. 50]. Обязательно должны быть продолжены работы по конкретизации и систематизации сведений по истории генеалогического «древа» династии Гиреев и внутридинастийных отношений, по уточнению и сопоставлению имеющихся в науке персональных данных о правящих ханах, их калгах, нурадынах и ор-беях, а также о других Гиреях – представителях династии т. н. «второго плана» [3, с. 11–59; 7, с. 58–69; 8, с. 242–287; 16, с. 86–93; 35, р. 315–370]. Генеалогическая же таблица Гиреев, созданная французскими исследователями, по замечанию А. М. Некрасова, «неполна, нередко неточна и нуждается в серьезной доработке» [23, с. 50]. Отчасти это замечание может быть отнесено к таблице «Ханы Крыма, калга и нураддин» из того же капитального труда французских ученых [35, с. 361–370]. Практически не разработан вопрос о составлении персональных списков сераскеров ногайских орд (начиная со второй трети XVIII в.), тоже включенной бы, учитывая их «гирейский» состав, в сводные ряды крымских элит. Стоит вспомнить, что функции сераскера-наместника первым обрел сераскер Буджацкой орды во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. [32, с. 273]. После ее окончания все находящиеся под крымской властью ногайские орды (кроме Джембуйлуцкой) получили постоянного ханского наместника в чине сераскера. Следовательно, этот вопрос также органично вписывается в крупную научно-следовательскую проблему: историю крымских элит в связи с эволюцией управленческих структур в Крымском ханстве.

Анализируя практики престолонаследия в Крымском ханстве (активным участником которых была Османская империя), нельзя ограничиться частным замечанием о том, что в XVI в. османы не вмешивались в указанный процесс, а в XVII–XVIII вв. – «могли менять хана в любой момент по своему усмотрению» [7, с. 68]. Расплывчато звучат другие слова о «калейдоскопе» наследников крымских ханов как о якобы типичном уже для XVII–XVIII вв. [23, с. 53]. История правящей в Крыму династии полна примеров непростых отношений между отцом-ханом и его сыновьями-наследниками, между братьями – сыновьями правящего хана, между дядьями и племянниками, многие из которых (в т. ч. побывавшие в статусе наследника – калги или нурадына) сами впоследствии становились ханами. Отметим, что в Крыму принцип наследования по мужской линии внутри определенного рода (среди Гиреев и бейских родов Крыма) выдерживался довольно четко. Однако старшинство в роду или в семье само по себе не гарантировало получение определенного статуса, поскольку хан назначался по решению османского падишаха, а облеченные властью крымские султаны (калга, нурадын, сераскеры) назначались

правлящим ханом из представителей разных ветвей фамилии Гиреев, часто – без особого внимания к их старшинству в роду или в семье. Определенное исключение в связи с вышеприведенными данными составила семья крымского хана Селим-Гирея, получившего от Стамбула привилегию назначения ханов только из числа его сыновей и их наследников. Конечно, абсолютизировать такой порядок не стоит; исключения из нового правила были: не все ханы, правившие в последней четверти XVII в. после первого правления Селим-Гирея (1671–1678 гг.), приходились ему сыновьями или даже братьями. И все же «Селимовцы» осознавали свое особое положение среди других представителей дома Гиреев [29, с. 30]. Порта, часто сообразуясь с указанным принципом, действительно назначала ханами в первой трети XVIII в. почти исключительно сыновей Селим-Гирея: Девлет-Гирея, Гази-Гирея, Каплан-Гирея, Сеадет-Гирея и Менгли-Гирея. При этом часть их успела до утверждения в ханском достоинстве побывать в сане и калги, и нурадына.

Таким образом, даже полный «списочный состав» правящих ханов, окруженных «своими» калгами и нурадынами, не даст всех ответов на вопросы о системе «сдержек-противовесов», которыми руководствовались в своем выборе правящие Гиреи и Османы. Весьма перспективно исследовать внутрисемейные и внутридинастийные отношения среди Гиреев (на что российские дипломаты в Крыму обращали традиционное пристальное внимание), истоки политического опыта и даже будущего реформаторства царевичей (султанов) из династии Гиреев, формы и степень их участия в военно-политической жизни Крымского ханства, формальные и личные (неформальные) связи тех же султанов с отдельными регионами и этническими общностями в ханстве и даже за его пределами, роль традиций и новаций в назначении ханами своих ближайших родственников на высшие управленческие должности. Вот почему в источниковедении истории Крымского ханства особое значение будут иметь поиск и ввод в научный оборот новых источников по истории элит Крымского ханства, на первом месте среди которых – династия Гиреев.

Некоторая часть исследовательских проблем, обозначенных выше, может быть рассмотрена на примере изучения жизненного пути султана Бахты-Гирея ((1670-е гг.(?) – 1729 г.) – старшего сына крымского хана Девлет-Гирея II [12, с. 193–226; 13, с. 85–116; 14, с. 92–137; 28, с. 635–649]. Интерес к данной личности, к поиску и к анализу источников о нем определен несколькими причинами. *Во-первых*, современная историография насчитывает ограниченное количество работ, связанных с исследованием биографий Гиреев «второго плана». Многолетний поиск и ввод в научный оборот новых источников о жизнедеятельности Бахты-Гирея¹ привели нас с В. В. Грибовским к обоснованному выводу о перспективах конкретно-исторического изучения биографии «*всего лишь*» одного крымского царевича. Объем накопленного материала позволяет сегодня говорить о возможном написании монографии о жизнедеятельности кубанского султана Бахты-Гирея. *Во-вторых*, обогащение источниковой базы привело к расширению исследовательского пространства темы и

¹ Их осуществление стало возможным, в первую очередь, благодаря тесному творческому сотрудничеству автора статьи и к. и. н. В. В. Грибовского (г. Киев, Украина), постоянного соавтора наших опубликованных работ о султанах Бахты-Гирее.

к разработке вопросов, раньше специально не формулировавшихся в науке или слабо разработанных – применительно к биографии конкретного царевича-Гирея, вписанной в историю ногайской Кубани и Крымского ханства в целом. Например, речь идет о такой крупной научной проблеме, как феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве. Кроме того, были получены новые данные о фактах биографии Бахты-Гирея, позволившие восполнить существенные лакуны научного знания о нескольких десятилетиях его жизни начиная со времени появления на Кубани в конце XVII в. *В-третьих*, речь идет о выдающейся личности, имевшей определенные шансы стать крымским ханом и оставившей заметный след в истории Крымского ханства. Бахты-Гирей выдвинулся не только благодаря личным характеристикам и приобретенным качествам воина и политика. Среди Гиреев традиционно было немало ярких личностей, оказывавших многогранное личное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Крымского ханства и даже на жизнь сопредельных государств. Однако в истории Крыма гораздо меньше примеров, когда султаны (царевичи), так и не ставшие потом ханами, играли бы заметную политическую роль после смещения с престола (или смерти) своих отцов – правящих ханов, вдобавок – в условиях ограниченных (неустойчивых) управленческих ресурсов. Бахты-Гирей сумел добиться этого, организовав собственную систему поддержания своей власти в новых исторических условиях – на волне созревшего в Крымском ханстве недовольства стабилизацией русско-турецкой границы. Обладая чертами харизматического лидера, Бахты-Гирей на протяжении многих лет умело выстраивал свою систему сдержек/противовесов среди фронтальных элит и пограничных сообществ, мало соотнося свои действия с целями османских и крымских правителей. Понимая опасения тех, для кого новая пограничная ситуация в Северном Причерноморье и в Северном Приазовье означала угрозу дальнейшего существования традиционного уклада, всего комплекса связей и отношений, издавна существовавших на степном порубежье, Бахты-Гирей быстро стал для ведущих держав опасным самостоятельным участником тогдашнего политического процесса на Юге. Это, в первую очередь, и обеспечило повышенный интерес правителей Крымского ханства, России и Османской империи к этому кубанскому султану, сумевшему утвердиться на периферии Крымского ханства, но распространившему свое влияние далеко за пределы ногайской Кубани. *В-четвертых*, изучение жизненного пути султана Бахты-Гирея расширяет наши представления об истории ногайской Кубани конца XVII в. – первой трети XVIII вв., входившей в состав державы Гиреев и представлявшей собой пограничный регион, богатейшая история которого не может быть механически сведена только к участию ногайцев в набеговой системе Крымского ханства.

Ниже представлен краткий обзор эвристических возможностей источников, освещающих малоизвестные и дискуссионные вопросы биографии султана Бахты-Гирея – фигуры не только регионального масштаба (Северный Кавказ), но также крупного политического деятеля, оказавшего влияние на османо-крымско-русские отношения первой трети XVIII в. Коллективные авторские наблюдения за географией амбициозных действий нашего героя и установление общей картины его пристального внимания, прежде всего, к Северному Кавказу, вряд ли состоялись

бы без этапа реализации архивной эвристики в федеральных и государственных архивах России. Безусловно, организовав новый архивный поиск, мы анализировали источники о Бахты-Гирее, уже введенные в научный оборот, в т. ч. дореволюционными публикаторами (А. А. Лишиным, А. З. Мышлаевским, Е. Д. Фелицыным и др.).

Сегодня можно говорить о том, что многие аспекты жизнедеятельности султана Бахты-Гирея нашли свое закономерное отражение в документальных источниках российского происхождения, связанных с документированием деятельности высших органов государственной власти (Сенат), центральных военных (Военная коллегия) и дипломатических (Посольский приказ, Коллегия иностранных дел) учреждений, а также ряда местных учреждений и администраций (в т. ч. пограничных), вступавших в переписку с вышестоящими учреждениями и с друг с другом. Таким образом, значительный массив использованных нами документов представлен делопроизводственными материалами российского происхождения (отношения, рапорты, расспросные речи и пр.). Учитывая направленность, формы и характер действий Бахты-Гирея, зачастую связанных с нападениями на российские владения и российских подданных, закономерно говорить о большом количестве документов, содержащих сведения о султани, прозванном уже современниками Дели-султаном (т. е. «шалым» или даже «бешеным» султаном). Наиболее информативные документы были обнаружены в фондах федеральных и государственных архивов:

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи (Москва);

ГАРО – Государственный архив Ростовской области (Ростов-на-Дону);

ГАВО – Государственный архив Воронежской области (Воронеж);

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва);

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота (Санкт-Петербург);

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)¹.

Ни в одном из этих российских архивов не отложился (не обнаружен?) крупный документальный комплекс по интересующей нас теме. Такое положение дел, вероятно, можно признать «естественным». Однако именно поиск документов в разных архивах, находки одних и тех же текстов в составе подлинников и копий, наблюдения за направленностью документопотоков и т. п. основания привели к формированию репрезентативной источниковой базы. Заметим при этом, что до 2008–2010 гг. о подобном положении вещей говорить не приходилось. Сделанные в некоторых архивах *случайные* находки имели особое значение: в деле о «некрасовских шпионах», начатом в декабре 1726 г. и хранящемся в Государственном архиве Калужской области, были найдены сведения о нападении Бахты-Гирея на османский Азов [11, л. 8]. Более показателен другой аспект: вопрос о султани был включен в перечень вопросов, заданных некрасовцу Д. С. Михневу: «Как ты с товарищем своим Резепкою пошел с Кубани, Бахти-Гирей салтан где обретался?» [11, л. 8]. Следует признать закономерным подобное проявление

¹ Подробные указания на номера фондов, единиц хранения и использованных листов из единиц хранения см. в наших с В. В. Грибовским опубликованных работах о Бахты-Гирее, приведенных в списке литературы.

повышенного интереса российских администраторов к личности Бахты-Гирея – учитывая его влияние даже на состояние русско-крымских и русско-турецких отношений того времени. Некоторые важные сведения о действиях Бахты-Гирея середины 1720-х гг., в т. ч. связанных с неурядицами в Крыму, попали на страницы российской газеты «Ведомости», материалы которой раньше почти не использовались специалистами при обращении к этому периоду в жизни Дели-султана [5].

Учитывая интерес, проявленный к личности и делам Бахты-Гирея дворами Стамбула и Бахчисарая, правомочно ставить вопрос о поиске восточных источников по указанной теме. Турецкие специалисты недавно опубликовали сборник архивных документов по истории Крымского ханства, в т. ч. содержащие сведения о Бахты-Гирее [36, s.127, 129]. Мы не сомневаемся в том, что фонды одного из крупнейших исторических архивов Турции – *Başbakanlık Osmanlı Arşivi* (ВОА, Стамбул) содержат намного больше документов по теме исследования. Недаром имя султана Бахты-Гирея неоднократно упоминается в подробном обзоре документов из нескольких фондов по истории Крымского ханства из этого же архива [34, p. 566, 569, 570, 571]. Происхождение нескольких других документов восточного происхождения оказалось связано с Бахты-Гиреем в самом прямом смысле! Речь идет о нескольких его или близкой ему ногайской знати письмах за 1700 г., адресованных в российский Азов и удостоверенных личной печатью султана Бахты-Гирея [9, л. 2–3, 14; 10, л. 15–17]. Таким образом, этот сфрагистический материал тоже может быть использован при изучении более масштабного вопроса о традициях удостоверения документов в Крымском ханстве, активными участниками которого являлись не только ханы [19, с. 492–493], но и султаны со своими перстневыми печатями. Кроме того, эти и подобные им другие документы из фонда И-5 ГАВО позволили нам сформулировать новый в науке вопрос о формах коммуникации между ногайской Кубанью и российской администрацией Азова после 1696 г. Речь идет о том, что местные администрации России, Крымского ханства и Османской империи были вынуждены выстраивать диалог в условиях новых границ и новой пограничной ситуации на Юге.

Обнаруженные нами в Государственном архиве Воронежской области документы позволяют утверждать, что назначение Бахты-Гирея наместником крымского хана Девлет-Гирея II на Кубани состоялось до 1 июня 1700 г. В этот день со слов его посланцев в канцелярии азовского воеводы было написано: «А ныне де на Кубани у них салтаном крымского хана сын... Бахты Гирей» [9, л. 12]. 2 ноября того же года посланцы Бахты-Гирея заявляли о себе в Азове: «...мы живем на усту Кубану и владеет нами Бахтигирей салтан» [10, л. 17]. Полагаем, что на современном этапе изучения жизнедеятельности Бахты-Гирея именно документы ГАВО имеют исключительно важное значение, во многом объясняя его особое отношение именно к тому региону, где он сумел в итоге закрепиться. Особенно важно, что период жизни Бахты-Гирея рубежа XVII–XVIII вв., неплохо представленный в документах ГАВО, совпадает с началом пребывания молодого султана на Кубани и, очевидно, с истоками его административного и политического опыта. Документ из РГА ВМФ добавил важный штрих в характеристику отношений между ханом-отцом и царевичем-сыном. Так, после смещения с престола в 1702 г., по данным на 7 апреля

1703 г., «прежней де крымской хан Девлет Гирей с сыном своим кубанским салтаном Бахти Гиреем и с узденями своими ушли в горы к черкесом. А в Крым де на ево, ханово, место, прислан хан из Царяграда – отец ево, Девлет Гирей хана, – Селим Гирей... А с Кубани ж де Сартлана мурзу и иных лутчих мурз взяли в Крым, а ныне де на Кубани первым мурзою Урак мурза» [25, л. 793 об.].

Изучая связи Бахты-Гирейя с Кубанью, зададимся еще одним вопросом, на который пока нет однозначного ответа: не был ли он отдан сюда в детстве на воспитание? Дело в том, что воспитание юных Гиреев по традиции возлагалось на аталыков (временных приемных отцов). На Северном Кавказе воспитание у аталыка считалось законченным, когда воспитанник (кан) возглавлял или участвовал в удачно проведенном набеге. Достигнув совершеннолетия, воспитанник возвращался в родной дом и на протяжении всей жизни поддерживал теплые отношения со своим аталыком, становившимся как бы близким родственником. Благодаря аталычеству, у Гиреев появлялись разветвленные связи с крупными родовыми группами адыгов, позволявшие не только крепче привязать этот регион к Крымскому ханству, но и использовать его для достижения своих личных целей. Поэтому заселенное адыгскими народами Левобережье Кубани стало прибежищем для многих представителей фамилии Гиреев, которые в силу разных причин не находили себе места в Крыму [20, с. 134]. Собственно, так станет поступать потом и Бахты-Гирей, время от времени терявший позиции на Правобережной Кубани.

Однако наряду с возможным «черкесским» следом в истории аталычества для Бахты-Гирейя может быть предложена иная, «ногайская» версия. В показаниях казака станицы Дурновской г. Черкаска Захара Иванова, знавшего турецкий и татарский языки и допрошенного в Азове перед воеводой С. Б. Ловчиковым 13 марта 1701 г., фигурирует Сартлан-мурза – «дядька» неназванного по имени сына крымского хана, «кой был на Кубану салтан» и который в начале года (1701?) пошел во главе Кубанской орды вместе с Крымской ордой под командованием хана против Белгородской орды [1, л. 3]. Мы знаем, что Бахты-Гирей в указанный период пребывал на Кубани; остается выяснить, участвовал ли он в названном выше походе своего отца Девлет-Гирейя II. Наконец, в нашем распоряжении все больше документов о Сартлан-мурзе, одном из самых влиятельных ногайских мурз начала XVIII в. Оттиск печати Сартлан-мурзы присутствует рядом с оттиском личной печати самого Бахты-Гирейя на письме азовскому воеводе (1700 г.) [10, л.17]. Одно из последних упоминаний имени Сартлана-мурзы в российских источниках связано с майской отпиской атамана К. А. Булавина на Кубань Сартлану-мурзе и «всем кубанским мурзам» [4, с. 460]. Конечно, необходимо искать новые свидетельства аталычества влиятельного ногайского мурзы в отношении крымского царевича. Может оказаться, что Гирейи, сообразуясь здесь с новыми историческими условиями, пошли на укрепление своих клановых связей не только с черкесами, но и с ногайскими элитами Кубани. Вновь обращаясь к общим проблемам историко-генеалогических работ по истории дома Гиреев, отметим, что исследователи истории Крымского ханства нечасто обращаются к истории аталычества как важному социальному институту, издавна бытовавшему в тюрко-татарских государствах [18, с. 523–524].

Документальные источники помогли поставить точку в решении исключительно важного вопроса о калгайстве Бахты-Гирея. Кроме того, они позволили установить верность аналогичных сведений у крымско-татарского хрониста Халим-Гирея. Он указывал, что после 6 лет перерыва, в 1709 г., «Девлет Гирай был снова призван на крымский трон. Калгаем он назначил Сеадет-Гирей султана, а нуредином – своего старшего сына Дели Бахт Гирай-султана. Вскоре между ханом и калгаем случился конфликт, и хан назначил калгаем Бахт Гирая, а нуредином – другого своего сына Бахадыр Гирай-султана» [33, с. 114]. В одной из своих статей мы с В.В. Грибовским скептически отнеслись к указанному известию, посчитав, что Бахты-Гирей являлся средним сыном Девлет-Гирея II, имея право претендовать на средний султанский чин – нурадына. При этом Батыр-Гирей, информация о котором послужила основанием для вывода о нурадынстве Бахты-Гирея, был ошибочно идентифицирован с Бахты-Гиреем. И здесь мы возвращаемся к вопросам, обозначенным в начале статьи, – о составе семей крымских ханов и восстановлении родового «древа» Гиреев, об установлении персонального состава управленческих структур Крымского ханства. Порой нам неизвестны не только имена ханских жен, но имена многочисленных родственников (в т. ч. потомков) правящих ханов по мужской линии. Информация источников даже о сыновьях правящих ханов зачастую противоречива и разрознена. Бывает так, что при описании тех или иных событий они упоминаются в качестве «безымянного» калги или нурадына или просто по имени. Так, в конце 1711 г. не названного по имени калгу-султана видел в Крыму сотник Богодуховской сотни Ахтырского казачьего полка Ф. Павлович [27, с. 345–346]. Вот почему частный случай султана Бахты-Гирея имеет выходы на более общие проблемы истории гирейской династии.

По свидетельству гетманского старшины И. Черняка, хан Девлет-Гирей II еще до прибытия в Крым назначил своего «среднего [сына] Батыр-Кгирея», который до приезда информатора И. Скоропадского в Перекоп, случившегося 3 января 1709 г., был «прислан на резиденцию» и «не токмо в Перекопи, но и во всем Крыму управляет на месте отца своего» [15, с.343]. Таким образом, султан Батыр-Гирей выступает здесь как ор-бей. О том же Батыр-Гирее рассказывали 21 января 1709 г. казаки Полтавского куреня С. Васильев и Г. Савин, отправленные И. Черняком к гетману И. Скоропадскому: «...Когда они с Черняком приехали в Перекоп, то тамо Каймакана на застали, понеже он поехал провожать до Порты старого хана (Каплан-Гирея. – Д.С.); а обретается ныне в Перекопе новаго хана сын, Батырь-Кгирей, султан, который Черняка принял ласково...» [6, с. 444–445]. Среди сыновей Девлет-Гирея II из списка французских специалистов, состоящего из 12 имен, Батыр-Гирей отсутствует, зато имеется Бахадыр-Гирей [35, вклейка «Генеалогическая таблица Гиреев»]. Именно с ним, но не с Бахты-Гиреем можно с определенностью идентифицировать султана Батыр-Гирея, фигурировавшего в двух предыдущих источниках. Ведь имена Батыр и Бахадыр (Бехадыр) – варианты одного и того же имени. Кроме того, нам достоверно известно, что Бахты-Гирей никогда не занимал чина ор-бея. Подобное соотношение представляется важным еще потому, что в историографии известны примеры ошибочного отождествления

Бахты-Гирея и Батыр-Гирея в связи с событиями русско-турецкой войны 1710–1711 гг. Это тоже необходимо учитывать при исследовании биографии Бахты-Гирея и, конечно, биографий других крымских царевичей. О. Г. Санин ошибочно писал о действиях «кубанского нуреддин-салтана» Бахты-Гирея в мае 1711 г., когда его войско в составе 700 янычар и около 1000 запорожцев, не решившееся взять крепость Азов, пыталось штурмовать Тор и Бахмут [26, с. 178]. Однако документы, опубликованные А. З. Мышлаевским [22, с. 116–117, 125], позволяют уточнить, что указанными действиями руководил другой султан, а именно – Батыр-Гирей (Бахадыр-Гирей).

Анализ материалов российского делопроизводства привел нас с В. В. Грибовским к выводу о верности слов Халим-Гирея в отношении калгайства Дели-султана. В 1717 г. Бахты-Гирей в разговоре с российским толмачом Б. Шаровым самолично подтвердил свое пребывание в достоинстве калги: «...я де когда и в Крыму был халгою султаном, и за миром де я разбивал русских людей многое число, про мене де и про дело мое знает князь Дмитрий Михайлович Галицын» [21, с. 307]. Выражение «за миром» следует понимать как осуществление набегов в мирное время, т. е. до начала русско-турецкой войны в ноябре 1710 г. Б. Шарову принадлежит выразительная фраза, явно навеянная личными впечатлениями толмача от общения с Дели-султаном: «...а в словах своих оный султан зело непостоянен, бес, а не человек, толко поношение человеком (выделено нами. – Д. С.)» [21, с. 307]. Назначение Бахты-Гирея калгой, очевидно, не могло произойти в начале второго правления Девлет-Гирея. Австрийский дипломат А. Тальман указывал в донесении от 15 сентября 1709 г., что старший брат правящего хана, т. е. Девлет-Гирея II, калга-султан, прибыл недавно в Стамбул «с различными устными донесениями турецкому министерству» [30, с. 49]. Этим старшим братом хана являлся Сеадет-Гирей, впоследствии – крымский хан. Когда же случилось лишение Девлет-Гиреем II своего брата указанного чина и назначение калгой своего сына Бахты-Гирея? Вероятно, не раньше второй половины сентября 1709 г., а, скорее всего, даже позже. Обратим внимание, что в добавление к сведениям о Девлет-Гирее II Халим-Гирей указал, что, хан, отправляясь на театр военных действий в ходе русско-турецкой войны 1710–1711 гг., «оставил для охраны Крыма своего сына калгая Бахт Гирия, прославившегося в народе под прозвищем "Джихан Дели", сам же с многочисленной армией двинулся в сторону Аккермана» [33, с. 115]. Если признать правоту Халим-Гирея, то в начале лета 1711 г. Бахты-Гирей уже был калгой. Впрочем, свою «карьеру» во второе правление своего отца Бахты-Гирей закончил в чине нурадына, имея к 1713 г. уже основательный опыт знакомства с кубанским регионом, в истории которого он сыграл заметную роль.

Наконец, обратимся к еще одному актуальному вопросу – о семье султана Бахты-Гирея. К слову, нам пока ничего неизвестно о происхождении матери и жены (жен?) Дели-султана, что соотносится нами с отдельной научной проблемой в изучении династии Гиреев [24, с. 243–250]. Нам известно, что Бахты-Гирея был женат и что у него были дети. Как минимум, в семье родилась одна дочь, вышедшая замуж, возможно, при жизни своего отца. Из показаний казака

Я. Коржихина за 1737 г. мы узнаем о *зяте* султана Бахты-Гирея – Енгис-Гирее, сыне султана Мамат-Гирея, пребывавшем тогда на Кубани [31, с. 142]. По данным В. В. Батырова, незадолго до своей гибели в Кабарде Бахты-Гирей пребывал в 1728 г. в Копыле вместе со своим *тестем* Азамат-Мурзой (ногаец?) и отрядом из 1 тыс. калмыков [2, с. 50]. Согласно другим сведениям, в середине 1720-х гг. *тестем* Бахты-Гирея являлся кабардинский князь А. Кайтукин. Вероятно, в результате более детального изучения может проясниться вопрос о многоженстве Дели-султана. Если подобный факт имел место в действительности, то его можно будет отнести к числу дальновидных действий султана Бахты-Гирея по созданию на Северном Кавказе гибких и долговременных политических комбинаций и альянсов.

Завершая статью, выскажем мнение о том, что источниковедение истории элит Крымского ханства – одно из самых перспективных исследовательских направлений. Дальнейшее выявление и ввод в научный оборот исторических источников по указанной теме будет способствовать появлению новых исследований и постановке новых научных проблем. Считаем, что случай султана Бахты-Гирея, представленный в работе как часть крупной историко-генеалогической и источниковедческой проблемы, может быть успешно распространен на другие исследовательские практики. Первоочередное место среди них по праву принадлежит изучению истории династии Гиреев, многочисленный состав которой сулит ученым новые вопросы и попытки найти на них убедительные ответы.

Список использованных источников и литературы

1. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (АСПБИИ РАН). Ф. 226. Оп. 1. Д. 543. Arkhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN (ASPbII RAN). F. 226. Op. 1. D. 543.
2. Батыров В. В. Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях с Калмыцким и Крымским ханствами // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Волгоград, 2006. Batyrov V.V. Kubanskii pravitel' Bakhty-Girei Saltan vo vzaimootnosheniyakh s Kalmytskim i Krymskim khanstvami // Sarepta: Istoriko-etnograficheskii vestnik. Volgograd, 2006.
3. Беляков А. В., Виноградов А. В. Мурад-Гирей: служилый Чингисид в России или претендент на русский престол? // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / Ред. кол. С. Г. Кляшторный и др. М., 2013. Belyakov A. V., Vinogradov A. V. Murad-Girei: sluzhilyi Chingisid v Rossii ili pretendent na russkii prestol? // Tyurkologicheskii sbornik 2011–2012: politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv / Red. kol. S.G. Klyashtornyi i dr. M., 2013.
4. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды историко-археологического института Академии наук СССР. М., 1935. Т. 12. 527 с. Bulavinskoe vosstanie (1707–1708 gg.) // Trudy istoriko-arkheograficheskogo instituta Akademii nauk SSSR. M., 1935. T. 12. 527 s.
5. Ведомости. 1725. № 56 (22 декабря); 1726. № 10 (15 февраля); 1726. № 11 (25 февраля). Vedomosti. 1725. № 56 (22 dekabrya); 1726. № 10 (15 fevralya); 1726. № 11 (25 fevralya).
6. Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / Упор. С. Павленко. Київ, 2009. 1054 с. Viiskovi kampanii dobi get'mana Ivana Mazepi v dokumentakh / Upor. S. Pavlenko. Kiiv, 2009. 1054 s.
7. Виноградов А. В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2. Vinogradov A. V. Krymskie khany v XVI veke // Otechestvennaya istoriya. 1999. № 2.
8. Виноградов А. В. Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586–1591 гг. // История народов России в исследованиях и документах / Отв. ред. Н.Ф. Бугай, В.В. Трепавлов. М., 2011. Вып. 5.

Vinogradov A. V. Murad-Girei v «Astrokhani». K istorii politiki Rossii na Nizhnei Volge i na Kavkaze v 1586–1591 gg. // *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* / Otv. red. N.F. Bugai, V.V. Trepavlov. M., 2011. Vyp. 5.

9. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243.

Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti (GAVO). F. I-5. Op. 2. D. 243.

10. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 244.

GAVO. F. I-5. Op. 2. D. 244.

11. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2.

Gosudarstvennyi arkhiv Kaluzhskoi oblasti (GAKO). F. 1692. Op. 1. D. 2.

12. Грибовский В. В., Сень Д. В. Фронтирные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в.: деятельность кубанского сераскера Бахты-Гирея // *Україна в Централно-Східній Європі*. Вип. 9–10. Київ, 2010.

Gribovskii V. V., Sen' D. V. Frontirnye elity i problema stabilizatsii granits Rossiiskoi i Osmanskoi imperii v pervoi treti XVIII v.: deyatelnost' kubanskogo seraskera Bakhty-Gireya // *Україна в Tsentral'no-Skhidnii Evropi*. Vip. 9–10. Kiiv, 2010.

13. Грибовский В., Сень Д. Бахты Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII века // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. Т. 8 (2012).

Gribovskii V., Sen' D. Bakhty Girei i problema stabilizatsii granits Rossiiskoi i Osmanskoi imperii v pervoi treti XVIII veka // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. Т. 8 (2012).

14. Грибовский В. В., Сень Д. В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымской власти первой трети XVIII в. // *Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств* / Ред. кол. С. Г. Кляшторный и др. М., 2013.

Gribovskii V. V. Sen' D. V. Kubanskii sultan Bakhty-Girei: fenomen neligitimnoi vlasti v Krymskoi vlasti pervoi treti XVIII v. // *Tyurkologicheskii sbornik 2011–2012: politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv* / Red. kol. S. G. Klyashpornyi i dr. M., 2013.

15. Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упор. С. Павленко. К., 2007. 1144 с.

Doba get'mana Ivana Mazerpi v dokumentakh / Upor. S. Pavlenko. K., 2007. 1144 s.

16. Зайцев И. Крымские ханы: портреты и сюжеты // *Восточная коллекция*. Весна 2003.

Zaitsev I. Krymskie khany: portrety i syuzhety // *Vostochnaya kolleksiya*. Vesna 2003.

17. Зайцев И. В. Записи генеалогий и правлений крымских ханов и крымские средневековые исторические хроники // *Восток*. 2008. № 4.

Zaitsev I. V. Zapisi genealogii i pravlenii krymskikh khanov i krymskie srednekovye istoricheskie khroniki // *Vostok*. 2008. № 4.

18. Измайлов И. Структура власти в позднезолотоордынских государствах // *История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 4: Татарские государства XV–XVIII вв.* Казань, 2014. 1080 с.

Izmailov I. Struktura vlasti v pozdnezolotoordynskikh gosudarstvakh // *Istoriya tatar s drevneishikh vremen: V 7 t. T. 4: Tatarskie gosudarstva XV – XVIII vv.* Kazan', 2014. 1080 s.

19. Исхаков Д. Культура государственной жизни // *История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 4. Татарские государства XV–XVIII вв.* Казань, 2014. 1080 с.

Iskhakov D. Kul'tura gosudarstvennoi zhizni // *Istoriya tatar s drevneishikh vremen: V 7 t. T. 4. Tatarskie gosudarstva XV – XVIII vv.* Kazan', 2014. 1080 s.

20. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008. 318 с.

Klaprot Yu. Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh. Nal'chik, 2008. 318 s.

21. Материалы Военно-учетного архива Главного штаба / Изданы под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1871. Т. 1. 346 с.

Materialy Voenno-uchetnogo arkhiva Glavnogo shtaba / Izdany pod red. A. F. Bychkova. SPb., 1871. T. 1. 346 s.

22. Мышлаевский А. З. Война с Турцией 1711 года: Прутская операция: материалы извлеченные из архивов. СПб., 1898. 359 с.

Myshlaevskii A. Z. Voina s Turtsieyu 1711 goda: Prutskaya operatsiya: materialy izvlechennye iz arkhivov. SPb., 1898. 359 s.

23. Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // *Отечественная история*. 1999. № 2.

- Nekrasov A. M. Voznikovenie i evolyutsiya Krymskogo gosudarstva v XV–XVI vekakh // Otechestvennaya istoriya. 1999. №2.
24. Некрасов А. М. Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв. // Некрасов А. М. Избр. труды. Сост. К. Ф. Дзамихов, Дж. Я. Рахаев, науч. ред. К. Ф. Дзамихов. Нальчик, 2015. 255 с.
- Nekrasov A. M. Zhenshchiny khanskogo doma Gireev v XV – XVI vv. // Nekrasov A.M. Izbr. trudy. Sost. K. F. Dзамikhov, Dzh. Ya. Rakhaev, nauch. red. K.F. Dзамikhov. Nal'chik, 2015. 255 s.
25. Российской государственной архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 25. Ч. 1.
- Rossiiskoi gosudarstvennyi voenno-morskogo flota (RGA VMF). F. 177. Op. 1. D. 25. Ch.1.
26. Санин О. Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в. Дис. ... к. и. н. М., 1996.
- Sanin O. G. Otnosheniya Rossii i Ukrainy s Krymskim khanstvom v pervoi chetverti XVIII v. Dis. ... k.i.n. M., 1996.
27. Сборник Императорского Русского исторического общества. 1878. Т. 25.
- Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. 1878. T. 25.
28. Сень Д. В., Грибовский В. В. Кубанский султан Бахты-Гирей и его роль в османско-крымско-российских отношениях первой трети XVIII в. // Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева (г. Грозный, 13 ноября 2014 г.). Грозный, 2015.
- Sen' D. V., Gribovskii V. V. Kubanskii sultan Bakhty-Girei i ego rol' v osmano-krymsko-rossiiskikh otnosheniyakh pervoi treti XVIII v. // Rol' lichnosti v stanovlenii i razvitii rossiisko-kavkazskikh otnoshenii. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi 230-letiyu so dnya rozhdeniya Bei-Bulata Taimieva (g. Groznyi, 13 noyabrya 2014 g.). Groznyi, 2015.
29. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты: В 2-х томах / Отв. ред. С. Ф. Орешкова. М., 2005. Т. 2. 314 с.
- Smirnov V.D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty: V 2-kh tomakh / Otv. red. S. F. Oreshkova. M., 2005. T.2. 314 s.
30. Турция накануне и после Полтавской битвы (Глазами австрийского дипломата). М., 1977. 104 с.
- Turtsiya nakanune i posle Poltavskoi bitvy (Glazami avstriiskogo diplomata). M., 1977. 104 s.
31. Фелицын Е. Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар, 1904. Т.1.
- Felitsyn E. D. Sbornik arkhivnykh dokumentov, odnosyashchikhsya k istorii Kubanskogo kazach'ego voiska i Kubanskoi oblasti. Ekaterinodar, 1904. T.1.
32. Хайдарлы Д. И. Молдавия и Крымское ханство (1718–1774 гг.) // Stratum plus. 2003–2004. № 6.
- Khaidarly D. I. Moldaviya i Krymskoe khanstvo (1718–1774 gg.) // Stratum plus. 2003–2004. № 6.
33. Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или история Крыма / Транскрипция, пер., перил. А. Ильми, составление приложений и пояснения Кемалья Усеинова; под ред. Н. С. Сейтягьяева. Симферополь, 2008. 288 с.
- Khalim Girai-sultan. Rozovyi kust khanov, ili istoriya Kryma / Transkriptsiya, per., peril. A. Il'mi, sostavlenie prilozhenii i poyasneniya Kemalya Useinova; pod red. N. S. Seityag'yaeva. Simferopol', 2008. 288 s.
34. Desaiwe Dilek. Le khanat de Crimée dans les Archives ottomanes [Correspondance entre khans de Crimée et padichahs ottomans dans les registres des nâme-i hümayûn // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. Vol.13. №4 (Octobre-décembre).
35. Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratov, Dilek Desaiwe, Chantal Lemercier-Quelquejay. Paris, 1978. 458 p.
36. Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı. Crimean Khanate in Ottoman Documents. Istanbul, 2013. 359 s.
37. Zaytsev I. The Structure of the Giray Dynasty (15th–16th centuries): Matrimonial and Kinship Relations of the Crimean Khans // Kinship in the Altaic World. Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference. Moscow. 10–15 July, 2005, Edited by Elena V. Boikova and Rostislav B. Rybakov. Wiesbaden, 2006.

*БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ЭЛИТАХ КРЫМСКОГО ХАНСТВА: ПРОБЛЕМЫ
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ (СЛУЧАЙ СУЛТАНА БАХТЫ-ГИРЕЯ)*

Sen' D. V. Biographical data of the Crimean Khanate elites: topical issues of historical sources study (case of Bakhty Giray Sultan).

The article describes the historical sources of the biography as well as the military and political activities of the outstanding political leader of the Crimean Khanate in the first third of the XVIII century – Kuban Sultan Bakhty Giray. The article theme is inscribed in the Biography of the Giray dynasty, in the history of the political culture of the Crimean Khanate, as well as a source of its history.

Keywords: Crimean Khanate, the Giray dynasty, historical sources, archives, source studies of the Crimean Khanate history, Khan Devlet II Giray, Kuban Sultan Bakhty Giray.